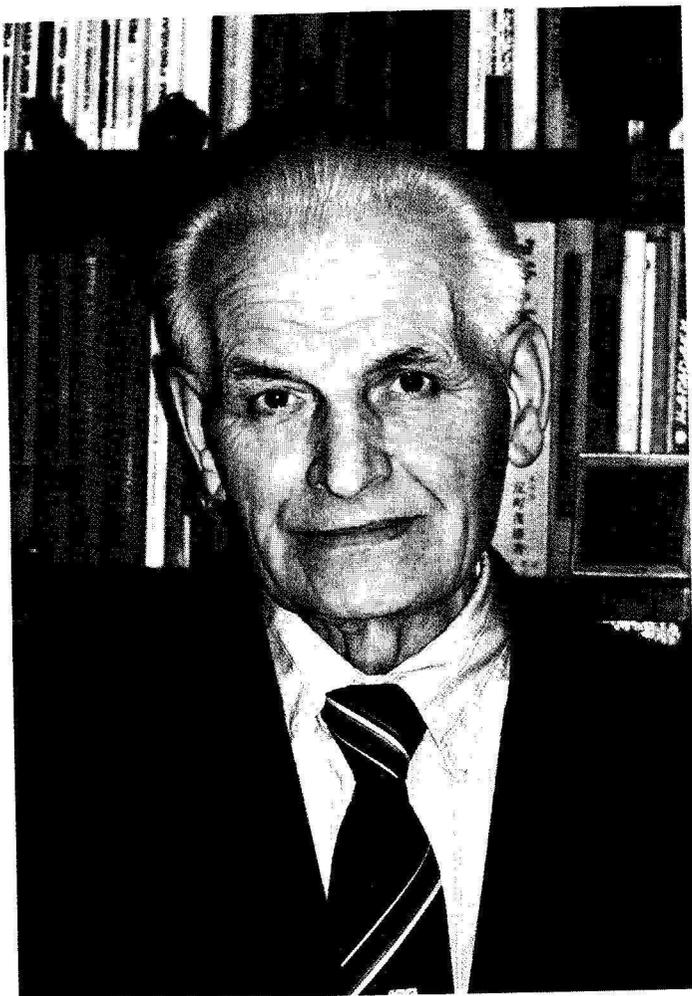

ЯПОНСКАЯ МОЗАИКА

**Владислав Никанорович
ГОРЕГЛЯД**

*Посвящается
светлой памяти Учителя*

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЯПОНСКАЯ МОЗАИКА

*Сборник статей
памяти профессора
Владислава Никаноровича
ГОРЕГЛЯДА*

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2009

ЗБК 84(5Япо)

Я70

Ответственные редакторы и составители

А. М. Кабанов

К. Г. Маранджян

Я70 Японская мозаика: сборник статей памяти профессора В. Н. Горегляда / Сост. А. М. Кабанов, К. Г. Маранджян. — СПб.: Гиперион, 2009. — 208 с.

ISBN 978-5-89332-152-4

Сборник статей памяти выдающегося петербургского япониста В. Н. Горегляда (1932–2002). В знак огромной признательности великому ученому, его ученики собрали сборник статей, посвященных различным аспектам японской культуры. В этом сборнике представлены работы японистов из Владивостока, Москвы, Петербурга, Японии и США. Диапазон исследуемых тем — японская культура в самом широком понимании этого термина.

Разнообразие тематики сборника делает его интересным не только для японоведов, но и для широкой публики, интересующейся японской культурой. Издание этой книги призвано способствовать поддержке престижа петербургской школы японоведения, одним из корифеев которой по праву считается В. Н. Горегляд.

ББК 84(5Япо)

© А. Ю. Акулов, 2009
© И. И. Басс, 2009
© Т. И. Бреславец, 2009
© С. Х. Булатцев, 2009
© Е. Ю. Варшавская, 2009
© В. С. Громов, 2009
© Л. М. Ермакова, 2009
© А. М. Кабанов, 2009
© К. Г. Маранджян, 2009
© Ю. Д. Михайлова, 2009
© Г. О. Спиридонов, 2009
© М. В. Торопыгина, 2009
© Издательство «Гиперион», 2009

ISBN 978-5-89332-152-4

От редакции

Предлагаемый сборник представляет собой серию статей, посвященных памяти недавно ушедшего из жизни выдающегося японоведа Владислава Никаноровича Горегляда¹. Он был не просто ученым-энциклопедистом, разбирающимся во многих сферах японской культуры, литературы, истории, религии и языка. Великолепно зная старую японскую скоропись, он сумел издать на русском языке рукописи, которые никто до него не мог вразумительно прочитать. Его глубокие познания в области японского языка и культуры делали его незаменимым консультантом, к которому неизменно обращались как коллеги, ученики, так и дилетанты. Все получали от него нужные консультации. Когда необходимо было о чем-то его спросить, он никогда не говорил с ходу: «Я этого не знаю», а начинал рыться в справочниках, потом отводил к более узким специалистам по данному вопросу, и вопрошающий всегда получал более или менее исчерпывающий ответ. Можно со всей ответственностью сказать, что в Петербурге он был единственным знатоком японской культуры в самом широком смысле. Пребывание в Японии и плодотворное общение с японскими учеными, безусловно, способствовало расширению его знаний об изучаемой стране. Мы никогда не видели его не занятым каким-то делом: то он читал присланные ему на рецензию рукописи, то студенческие дипломы, статьи его коллег или просто недавно вышедшую книгу по специальности. Он всегда был занят. Эта уникальная способность делала его незаменимым наставником и коллегой. Может быть, он недостаточно много сделал (если судить по его профессиональным возможностям) еще и потому, что слишком много занимался подготовкой будущих специалистов. В этот сборник включены лишь немногие статьи тех, кто бескорыстно пользовался его советами, помощью и рекомендациями.

Представленные в сборнике статьи отражают широкий спектр интересов В. Н. Горегляда. Например, М. В. Торопыгина (Москва, ИВ РАН), ранее специально занимавшаяся изучением этого жанра и опубликовавшая сборник переводов на русский язык, пишет о роли поэтических вставок в простонародные произведения жанра «отоги-дзоси» (XIV–XV вв.), к которым добавляет выполненный ею недавно перевод еще одной истории из

¹ Сборник был собран в 2002 г., но его публикация стала возможной лишь в 2009 г.

сборника «Отоги-дзоси». Автор особое внимание уделяет поэтическим частям историй.

О средневековой поэзии, которой всегда интересовался В. Н. Горегляд, пишет в своей статье Т. И. Бреславец (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток), предлагая рассматривать сто строф Фудзивара Тэйка как единое цельное произведение. Жанр пятистиший, представленный в виде взаимосвязанных строк, превращается в своеобразную поэму, объединенную единым стержнем, позволяя развернуть в полной мере идею автора, что было бы невозможно в кратких тридцатиодно-сложных танка.

Статья Л. М. Ермаковой (Университет иностранных языков, г. Кобэ) «О звуках и знаках японской поэзии» представляет собой неожиданный и пронзительный анализ японской поэзии в жанре танка, представляющей, по мнению автора, переходную стадию от магической литературной силы в интимность. Поэзия танка первоначально писалась «от лица богов», а потом под влиянием философии буддийской школы сингон стала восприниматься как своеобразная «мандала вака», обретая в поэзии крупнейших поэтов, таких как Аривару Нарихира, Хитомаро или Фудзивара Тамэаки (являвшегося, по некоторым сведениям, последователем еретической секты Татикава-рю, проповедовавшей сексуальное единение как наиболее эффективное средство для достижения нирваны), необычайную силу передачи в стихотворной форме религиозных идей. Поэзия вака истолковывается Ермаковой как своеобразные дарани — ритуальные заклинания, произносимые на видоизмененном санскрите, смысл которых произносящему был едва ли понятен.

Статья А. М. Кабанова (СПб ФИВ РАН) «Фударакү-токай: быстрое путешествие в рай» представляет собой краткий экскурс в историю ритуальных самоубийств, практиковавшихся в школе Чистой Земли (дзёдо), когда решившегося на такое самопожертвование монаха сажали в закрытую лодку и отправляли в открытое море. Записи о них весьма немногочисленны, но все же свидетельствуют о том, с каким обожанием встречались подобные акты самопожертвования.

Своеобразной письменности, восходящей к санскриту и применявшейся в Японии для записи буддийских текстов, посвящена статья К. Г. Маранджан (СПб ФИВ РАН). Она прекрасно иллюстрирует, как была задействована возможность использования санскрита для транслитерации буддийских текстов. На эту тему по-русски ничего не писали, и эта статья является необходимым введением в данную тему.

С. Х. Булацев (СПбГУ) в статье о боевых искусствах в современной Японии рассматривает (в том числе и на личном опыте) ту роль, которую

классические японские виды единоборств (дзюдо, каратэ, кэндо, айкидо и др.) играют в современной Японии, и объясняет, почему они сохраняют притягательность и для современных молодых японцев.

А. Ю. Акулов (аспирант РХГА — Российская Христианская гуманитарная академия) в статье «Язык айну в современной перспективе» дает исторический очерк айну в Японии и отмечает особенности этого языка, который ныне является почти мертвым (только несколько десятков айну еще умеют говорить на родном языке).

Статья В. Громова (аспирант СПб ФИВ РАН) посвящена анализу трех «новых религий»: Омотокё, Махикари и Аум Синрикё. Их все отличают нетрадиционные доктрины, представляющие собой смешение самых разных религиозных концепций, от йоги до христианства. Бум «новых религий» отражает собой реакцию на издержки постиндустриального общества и заполнение образовавшейся ниши сомнительными, а иногда и просто социально опасными учениями, о чем свидетельствует инцидент с сектой АУМ в токийском метро. Поразительный рост популярности этой секты в России, где число ее приверженцев было больше, чем в Японии, свидетельствует о том, что подобные религии находят горячий отклик, прежде всего в обществах, находящихся в состоянии глубокого духовного кризиса.

Г. Б. Спиридонов (ГМИР — Государственный музей истории религии) в своей статье делает подробный анализ синкретических религиозных представлений, получивших реальное воплощение в скульптурных изображениях уникального религиозного комплекса начала XVIII века — Тосё-гу, являющегося мемориальным воплощением культа первого сёгуна династии Токугава. В статье анализируются изображения буддийских божеств и фантастических животных, пришедших в японскую религиозную традицию вместе с даосизмом, а также разнообразные синтоистские и конфуцианские символы. Подобный синкретизм самых разных религиозных традиции не имеет себе равных в Японии и заслуживает самого подробного исследования как образец пестрого соединения разных религиозных и мифологических традиций.

Статья Е. Ю. Варшавской (Род-Айлендская школа дизайна, США) «Гражданские войны за объединение Японии в восприятии горожан эпохи Эдо: портреты Ода Нобунага, Акэти Мицухидэ и Тоётоми Хидэёси в серии гравюр Куниёси “Тайхэйки эйю: дэн”» представляет собой великолепный анализ только трех из пятидесяти работ Куниёси, созданных им в 1846–1847 гг. Эта публикация свидетельствует о том, что В. Н. Горегляд сумел вырастить ученицу, не только владеющую редким умением читать скорописные японские тексты, но и выявлять все имеющиеся в них аллюзии к историческим событиям той эпохи. Очень немногие японоведы и

здесь, и за рубежом смогли бы успешно справиться с такой задачей. Публикация полного текста работы Е. Ю. Варшавской, несомненно, принесет ей заслуженное признание не только за рубежом, но и в нашей стране. Это не поверхностное искусствоведческое исследование, а полноценная работа, позволяющая представить все обстоятельства, сопровождающие убийство Нобунага, приход Тоётоми к власти и все связанные с этим обстоятельства.

Статья Ю. Д. Михайловой (Муниципальный университет, г. Хиросима) посвящена сатирическим карикатурам периода Русско-японской войны 1904–1905 гг., и отражает презрительное отношение японцев того времени к неспособным оказать им сопротивление «северным варварам». Иллюстрированная забавными рисунками из тщательно проработанной японской прессы того времени, она привносит новый штрих к событиям войны, столетие которой недавно отмечалось в Японии.

Статья И. И. Басс (СПб ГУКИ) «Эллипсис как проблема лингвистики текста» является единственной не имеющей отношения к темам, которыми занимался В. Н. Горегляд. Многие из приведенных в статье примеров заимствованы из японских учебных пособий или из художественных произведений прошлого века. Но японский язык претерпевает колоссальные изменения, и к современным произведениям некоторые положения статьи кажутся нам мало применимыми. Например, эллиптированное сказуемое в текстах современных писателей встречается крайне редко, и наоборот, характерно назойливое повторение имени действующего лица в каждом предложении. Впрочем, эллипсис является распространенным явлением в самых разных языках и в большинстве случаев зависит от стилистики автора или говорящего.

В целом сборник представляет собой дань памяти В. Н. Горегляда, ученого и преподавателя, сумевшего создать большую плеяду учеников, усвоивших его наставления и заветы, способных продолжить дело, которому он отдал всю свою жизнь. На нынешнем горизонте пока не видно никого, кто бы мог его достойно заменить. «Нас мало, нас страшно мало, а самое главное, что мы врозь». Эти строки Вознесенского из поэмы «Авось» приходят мне в голову, когда я вспоминаю Владислава Никаноровича. Он сделал больше, чем мог для многих и подготовил немало учеников.

А. М. Кабанов

Когда человек преклонного возраста в какой-нибудь области обладает выдающимися талантами, то в том лишь случае можно считать, что он не зря прожил долгую жизнь, если о нем говорят «У кого же мы будем спрашивать, когда этого человека не станет?»

Записки от скуки. CLXVIII

Ученый-энциклопедист

С уходом В. Н. Горегляда в отечественном востоковедении завершилась целая эпоха ученых-энциклопедистов. О. О. Розенберг, Н. А. Невский, В. М. Алексеев, Н. И. Конрад — только несколько имен из плеяды блистательных ученых, чьи работы составили славу нашей науки. Теперь к этому ряду присоединилось еще одно известное любому российскому японисту имя В. Н. Горегляда.

Его творческое наследие обширно и включает в себя многочисленные публикации, посвященные разным сторонам изучения японской культуры. Тематика его научных работ — японская классическая литература, японские рукописи и ксилографы, японские религии (буддизм и «новые религии»), история Японии, история русского японоведения XVIII – начала XX века, ранние контакты России и Японии, современное состояние мировой японистики.

Интересовавшие ученого сюжеты, на первый взгляд, кажутся никак не связанными друг с другом, однако если внимательно проанализировать логику движения от одной темы к другой, то мы увидим, как они последовательно переходят одна в другую, расширяя диапазон освоенного ученым пространства японской культуры и в то же время восполняя пробелы отечественного японоведения. При таком подходе весь корпус его научных трудов предстает перед нами как цельная последовательно выстроенная система, лишенная случайных и незначительных элементов. Конечно, речь идет не о том, что В. Н. Горегляд с самого начала придерживался некоего общего плана. Напротив, некоторые темы изначально возникли почти случайно, иной раз по стечению обстоятельств, иной раз по служебной необходимости. Но талант В. Н. Горегляда как раз и заключался в том, что он умел даже рутинную черновую работу использовать творчески, превращая её в материал для своих исследований. Поэтому он никогда не разбрасывался, не зани-

мался бессмысленным трудом, а последовательно и упорно работал над выбранной им темой. А любая неясность или неразработанность какой-либо проблемы, выявлявшаяся в ходе изучения, становилась предметом серьезного анализа и поводом для следующей публикации. Каждая новая монография или статья были органически связаны со всеми предыдущими, и в то же время диктовали появление следующих: в них намечались новые вопросы, требующие своего разрешения. Ничто не пропадало зря, не становилось ненужным материалом, ранние работы начинали «вновь работать» в контексте более поздних исследований, и все вместе они составляли то, что мы так приблизительно называем «вкладом ученого в науку». Беглого знакомства с библиографией В. Н. Горегляда достаточно, чтобы уяснить масштабы сделанного им.

Он успевал одновременно заниматься еще массой других дел — преподаванием, руководством аспирантами, составлением коллективных сборников, работой во всевозможных ученых советах и различных научных обществах. Однако все эти «отвлекающие» занятия были только фоном для кропотливого ежедневного труда, для постоянного движения к еще более глубокому пониманию японской культуры.

А начиналось все в Ленинграде в 1956 г., когда выпускник японской кафедры Восточного факультета Ленинградского университета пришел на работу в Институт востоковедения, в котором и проработал всю жизнь. Его приняли для инвентаризации японского рукописно-ксилографического фонда. Вероятно, именно работа с японским фондом определила интерес молодого исследователя к миру японских рукописей, который оставался в сфере его научных интересов до самого конца.

Немаловажную роль в становлении В. Н. Горегляда как ученого сыграло научное общение с сотрудницей Института востоковедения О. П. Петровой (1900–1993), которая к тому же возглавляла в его университетские годы кафедру японистики. О. П. Петрова занималась проблемами японской транскрипции иностранных слов, изучением и описанием дальневосточных рукописей, она составила «Описание письменных памятников корейской культуры», интересовалась первыми русско-японскими словарями¹.

Скорее всего, именно она научила его работать с рукописными источниками, привлекла его внимание к ранним японско-русским сло-

варям и использовавшимся в них системам транскрипции русских слов.

Первой научной публикацией В. Н. Горегляда стало факсимильное издание восьмой тетради из хранящейся в Институте востоковедения рукописи начала XIX века «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих землю морях»). Авторами рукописи считаются ученый-голландовед Оцуки Сигэтака и конфуцианец Симура Кокё, которые записали со слов японских моряков, попавших после кораблекрушения в Россию, их впечатления о стране и о путешествии на русском судне при возвращении на родину (1803–1804).

Восьмая тетрадь рукописи представляла собой японо-русский словарь (один из первых!). В подробном предисловии к его изданию В. Н. Горегляд дал разбор транскрипции русских слов средствами японской силлабической графики, выявил её основные ошибки и на основании проделанного анализа сумел определить приблизительные время и место создания данного списка рукописи, многое рассказать о личности его переписчика.

Знаменательно, что одну из своих ранних статей о «Канкай ибун» как о важном историческом документе, молодой исследователь заключил словами, о том «что первым этапом работы советских японоведов над этой рукописью должен стать полный перевод её на русский язык».²

Однако он сам вновь вернулся к работе над рукописью лишь сорок лет спустя. По странному стечению обстоятельств его последним проектом, завершённым совсем незадолго до смерти, стали обширные комментарии и полный перевод именно этой рукописи.

А в 1960-е годы знакомство с рукописно-ксилографическим фондом Института в процессе его инвентаризации — занятия весьма скучного и к тому же пыльного — стало поводом к изданию шести аннотированных каталогов рукописного собрания института «Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг», выходящих с 1963 по 1971 г. и подготовленных в соавторстве с О. П. Петровой (1–4 выпуски, в подготовке 2 выпуска участвовала также Г. Д. Иванова, вып. 5 сделан самостоятельно В. Н. Гореглядом) и З. Я. Ханиным (6 вып.). В последние годы не только в нашей стране, но и в мире наблюдается бум в области изучения коллекций, содержащих японские рукописи и старопечатные книги. Появилось много новых каталогов

¹ См., например: Лексикон русско-японский Андрея Татаринова / Издание текста и предисловие О. П. Петровой. М., 1962.

² В. Н. Горегляд. Удивительные сведения об окружающих морях — японская рукопись начала XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959. С. 228.

различных книгохранилищ, но шесть упомянутых выпусков до сих пор не утратили своей значимости и широко используются специалистами.³

Наряду с академическими занятиями на протяжении почти десяти лет В. Н. Горегляд по несколько месяцев в году оттачивал своё мастерство владения японским языком, работая переводчиком в группе советских инспекторов-наблюдателей на японских рыбоохранных судах. Возможно, что интерес к судьбе японских моряков, терпевших кораблекрушения и волею судеб занесенных в Россию, возник отчасти и из этого «морского» опыта. Ученый в разные периоды своей научной жизни много писал о ранних контактах России и Японии, и одной из последних публикаций стала небольшая брошюра на японском языке «Японские моряки в России в эпоху Эдо», изданная в Японии в 2001 году.

Еще одной магистральной темой его исследований была японская литература. Как рассказывают коллеги со слов самого В. Н. Горегляда⁴, однажды между ним, тогда молодым аспирантом, и академиком Н. И. Конрадом зашел разговор о литературном памятнике XIV в. «Цурэдзурэгуса» («Записки от скуки») Кэнко-хоси. Н. И. Конрад посетовал, что не видит достойного кандидата, который смог бы взяться за перевод. В ответ на эти слова смущенный аспирант признался, что он уже почти закончил работу над переводом.

Кандидатская диссертация «“Цурэдзурэгуса” — выдающийся памятник японской эссеистической литературы» была успешно защищена в 1965 г., и вскоре из печати вышел блестящий перевод «Записок от скуки» (который позднее выдержал несколько переизданий).

Впервые В. Н. Горегляд предстал перед читателями не только как замечательный исследователь, но и как талантливый переводчик, виртуозно владеющий мастерством перевода. Слова, открывающие книгу: «В скуке, когда, весь день сидя против тушечницы, без какой-либо цели записываешь всякую всячину, что приходит на ум, бывает, что такого напишешь, — с ума можно сойти», — так безыскусно изящны и эстетически точно подобраны, что любому русскому читателю и в голову не приходит, с каким трудным для перевода текстом, написанным в XIV в.,

³ Только о российских коллекциях, например, выпущены: *Descriptive Catalogue of Japanese Books in St. Petersburg University: A Catalogue of the Arisugawa Collection* by M. V. Toropugina, Tokyo, 1998; *Каталог старопечатных японских книг из собрания РГБ / П. Корницки. М., 1999; Каталог старопечатных японских книг / Воронова Б. Г., Корницки П. Ф., Юсупова А. И. М., 2001.*

⁴ История записана со слов сотрудников СПб филиала Института востоковедения Л. Н. Меньшикова и Ю. Л. Кроля во время традиционного чаепития в Секторе Дальнего Востока в октябре 2002 г.

предлагают ему познакомиться. Стилистически безупречный язык записок, увлекательные и насыщенные конкретными сведениями комментарии моментально сделали эту книгу бестселлером среди небольшого круга тогда еще советских утонченных ценителей изящной словесности.

В. Н. Горегляд продолжил изучение дневникового жанра, значительно расширив тему и задавшись целью рассмотреть уже не одно произведение, а целый круг источников — новая тема была сформулирована как «Дневниковая и эссеистическая литература X–XIII вв.». Она завершилось присуждением докторской степени и публикацией одноименной монографии, сразу ставшей классикой японоведения.

Книга «Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв.» (1975) в полной мере проявила особенности дарования В. Н. Горегляда и стиль его работы. В исследовании рассмотрены проблемы генезиса и специфики средневековых жанров дневника («никки») и эссе («дзуйхицу»), представлены конкретные памятники («Дневник путешествия из Тоса», «Дневник эфемерной жизни», «Дневник Идзуми-сикибу», «Записки у изголовья», «Дневник Мурасаки-сикибу», «Записки из кельи» и «Дневник полнолуния»). Автор затронул проблемы поэтики, идейное содержание памятников, рассказал об их авторах. Особо следует отметить, что в первой главе была дана текстологическая характеристика памятников, в которой говорилось о составе и особенности японской рукописной книги, бумаге, брошюровке, оформлении рукописи и т. д. В монографии выделены основные жанровые особенности дневников («никки») и эссе («дзуйхицу»). Для дневника это — основанная на личном опыте документальность, главный герой как пространственный и эмоциональный центр произведения, особые характеристики художественного времени.⁵ Жанровые признаки эссе — мозаичность, бесфабульность, документальность и необязательность совпадения пространственной позиции повествователя с позицией главного героя.⁶ Почти все анализируемые в книге памятники «принадлежат к так называемой литературе женского потока»⁷, В. Н. Горегляд пишет, что подобного явления не было ни в соседних странах Азии, ни в других странах Востока, ни в средневековой Европе.

За эту книгу, равно как и «за ведущую роль в советском японоведении и содействии углублению широкого понимания за рубежом япон-

⁵ В. Н. Горегляд. *Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв.* М., 1975. С. 332–333.

⁶ Там же. С. 349–350.

⁷ Там же. С. 352.

ской культуры» в 1986 г. В. Н. Горегляду была присуждена японская премия имени Ямагата Банто.

После этой монографии исследователь вновь обратился к единичному литературному произведению, одному из тех, что он рассматривал в предыдущей работе. Книга «Ки-но Цураюки» посвящена творчеству известного поэта и теоретика поэзии, автора первого в истории японской литературы путевого дневника (написанного от лица женщины). В ней увлекательно и ярко рассказывается об эпохе, в которую жил поэт, о японской литературе того времени, о личности и судьбе самого поэта. В приложении к первой на русском языке работе о «Ки-но Цураюки» даны переводы избранных стихотворений из антологии «Кокинсю» и «Дневника путешествия из Тоса», выполненных В. Н. Гореглядом. Как отмечает автор, первый перевод на русский язык этого дневника в 1935 г. опубликовал О. В. Плетнер, но «в ряде мест этот перевод неточен и, главное, неудобочитаем, потому я и решил дать... свой перевод дневника, основанный на японских публикациях его текста, предпринятых в последнее время».⁸

Последовательно продолжая изучение произведений дневникового жанра В. Н. Горегляд в 1994 г. впервые издал полный перевод «Кагэро никки» («Дневник эфемерной жизни»). Его автором была знатная японка, известная под именем Митицуна-но хаха, она описала события своей жизни с 954 по 974 г. Как подмечает ученый, в X веке прозаическая литература «только еще готовила опорную базу для мощного рывка вперед, для потока великих полотен, из которых «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу затмила все, до того созданное. «Дневник эфемерной жизни» — одно из лучших произведений, созданных на старте великого рывка. Из дошедших до нашего времени — это первый по времени бытовой дневник».⁹ В небольшой вводной статье «Этот суетный десятый век» автор не только обрисовал специфику и атмосферу жизни придворной знати, но и очень убедительно на примерах из текста показал, что художественный дневник — как самостоятельный жанр — отличался как от «регистрающих дневников» (т. е. дневников на китайском языке), так и от повествовательной литературы.¹⁰

Итогом многолетних исследований японского литературного процесса стала монография «Японская литература VIII–XVI вв. Начало и

развитие традиций». Благодаря энциклопедическому охвату материала, уровню обобщения, привлечению большого количества источников эта книга снискала себе славу классического труда, вобравшего в себя все последние достижения отечественных и японских (и в значительно меньшей степени западных) исследователей японской литературы.

Необходимость в систематическом изложении истории японской литературы назрела уже давно. Считающиеся классическими книги академика Н. И. Конрада «Очерки японской литературы» и «Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми», по определению самого В. Н. Горегляда, по сути «представляют собой очерковые изложения некоторых узловых проблем истории японской литературы, частью опубликованные в прежние годы в разных изданиях, частью обнаруженные в архиве ученого после его смерти и подготовленные к изданию его вдовой Н. И. Фельдман-Конрад».¹¹ Все прочие издания — либо краткие очерки, либо учебные пособия, изданные малыми тиражами и недоступные для читателей.

Во введении к монографии сформулирована её основная сверхзадача — «представить японскую литературу как неотъемлемую часть духовной культуры народа, продемонстрировать её специфику по сравнению с литературой европейских народов». Автор подчеркивает, что пересказ сюжетов и прямое их цитирование «предназначены для показа движения сюжетов и использования идей и формальных приемов от произведения к произведению, от жанра к жанру, от эпохи к эпохе»¹².

Специально оговаривается, что, несмотря на большую работу в последние годы по переводу японской литературы на русский язык, многие репрезентативные произведения пришлось представлять читателю впервые, а выдержки из текстов давать в собственном переводе.¹³

Рамки рассматриваемой истории японской литературы включают три периода: древнюю эпоху, раннее средневековье (IX–XII в.) и развитое средневековье (XIII–XVI вв.).

Автор отмечает, что условность подобной периодизации очевидна, но всякая иная периодизация на данном этапе развития науки представляется менее оправданной.¹⁴

⁸ В. Н. Горегляд. Ки-но Цураюки. М., 1983. С. 13.

⁹ Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни. (Кагэро никки) / Пер. В. Н. Горегляда. СПб., 1994. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ В. Н. Горегляд. Японская литература VIII–XVI вв. Начало и развитие традиций. СПб., 1997. С. 11.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 19.

В. Н. Горегляд нигде не объясняет, почему он ограничивает свое повествование XVI веком. Возможно, это связано с тем, что в русском переводе есть обстоятельная и очень подробная книга одного из столпов американской японистики Дональда Кина — «Японская литература XVII–XIX столетий», выпущенная в 1978 г. издательством «Наука» и доступная широкому кругу читателей. Впрочем, это заключение относится, скорее, к области предположений.

Первое в России, как написано в аннотации к книге, регулярное изложение истории японской литературы от её возникновения до конца развитого средневековья сразу завоевало славу классического труда, поставившего В. Н. Горегляда в один ряд с единственным до того времени официальным патриархом отечественного японоведения — академиком Н. И. Конрадом.

После теоретического осмысления литературного процесса, построенного на типологическом и генетическом сопоставлении японской и зарубежных литератур, В. Н. Горегляд вновь обратился к искусству перевода. На этот раз в качестве источников он выбрал произведения нового для себя жанра «гунки» («воинских повествований»), представляющих немалые трудности для переводчиков.

Сначала был выполнен перевод «Хогэн моногатари» («Сказание о годах Хогэн»), рассказывающий о гражданской смуте XII в., а позднее, незадолго до смерти, В. Н. Горегляд сдал в издательство перевод «Тайхэйки» («Повести о Великом мире», XIV в.).

Все перечисленные выше монографии имеют непосредственное отношение к истории японской литературы. Однако, как уже было сказано раньше, это была не единственная научная тема, которой занимался ученый.

Он написал большое количество статей, проблематика которых варьируется от начального этапа изучения японского языка в России до современного состояния зарубежного японоведения.

Среди наиболее важных публикаций, написанных в формате научных статей, хочется особо выделить несколько работ.

Во-первых, большой раздел «Рукописная книга в культуре Японии» из коллективной монографии «Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая». Фактически этот раздел был и на сегодняшний день остается единственным на русском языке подробным справочным материалом по рукописной книге Японии. Причем он был написан не по книжным знаниям, а на материале личного опыта работы с рукописным фондом. Текст изобилует конкретными примерами, свидетельствующими об обширных познаниях В. Н. Горегляда в этой облас-

ти и о его умении работать с рукописями. Он не только прекрасно владел скорописью и мог прочесть любой, даже самый замысловатый скорописный текст — мастерство нынче почти утраченное, единственный специалист в Петербурге, который умеет читать скоропись, это бывший аспирант В. Н. Горегляда, японист А. М. Кабанов — но и любил работать с рукописными источниками.

Самое удивительное, что его никто не учил скорописи — в университетской программе такого предмета не было, и ему пришлось учиться самому, пользуясь японскими справочниками и словарями. До сих пор в японском кабинете института хранится картотека вариантов рукописных написаний тех или иных иероглифов, составленная В. Н. Гореглядом на материале рукописи «Канкай ибун», — работа с этими другими конкретными памятниками, собственно, и стала школой овладения скорописью, иной альтернативы не было. Не зная скорописи, невозможно прочесть и расшифровать ни один рукописный источник. Впрочем, и одного знания скорописи недостаточно для работы с рукописями. Нужен еще особый талант — умение правильно увидеть и оценить рукопись. Это мастерство высочайшего класса, оно требует особой профессиональной интуиции, которая появляется только после долгих лет ученичества, обретения глубоких знаний, большой отдачи сил и непосредственного опыта работы. В. Н. Горегляд обладал этим даром и никогда не боялся передавать свои знания — он читал в университете уникальный курс по скорописи, наверно, надеясь, что в будущем кто-нибудь из бывших студентов, невзирая на огромную трудоемкость таких занятий, все же дерзнёт за них взяться.

Есть еще одно направление науки, в котором В. Н. Горегляд был одним из первопроходцев. Я имею в виду изучение японского буддизма, традиции которого были прерваны в России в начале XX века. В советской науке проблематика буддизма была закрытой темой вплоть до начала 1980-х гг. В 1982 г. Ленинградское отделение Института востоковедения подготовило к печати коллективный сборник «Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века». Ни один из авторов сборника, пишет автор предисловия известный синолог А. С. Мартынов, «не является буддологом по главному направлению своих научных интересов и по своей специализации» (да и не мог быть, добавим мы от себя), но всем приходилось сталкиваться с влиянием буддизма на жизнь изучаемых обществ.¹⁵ В этом

¹⁵ Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982. С. 5.

сборнике В. Н. Горегляду принадлежит большая статья (около 100 страниц) «Буддизм и японская культура VIII–XII вв.». С позиций сегодняшнего уровня осмысления буддизма она может показаться слишком описательной, в ней больше внимания уделено японской культуре, нежели буддизму как таковому, но это была первая большая публикация, открывшая дорогу для изучения японского буддизма. Этой статье предшествовала только короткая статья А. Е. Глускиной «Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам «Манъёсю»)», напечатанная в 1979 г. в сборнике «Заметки о японской литературе и театре», в которой отмечалась незначительная роль буддийских мотивов в песнях «Манъёсю». В статье Горегляда в самом общем виде изложены история распространения буддизма в Японии, особенности буддийского учения эпохи Нара, представлены основные жанры буддийской литературы, дана характеристика Хэйанского буддизма, рассказано о двух крупнейших деятелях раннесредневекового буддизма, Сайтё (767–822) и Кукае (774–835). Приблизительно в это же время начали появляться публикации московского исследователя японского буддизма А. Н. Игнатовича, работы А. Н. Мещерякова и А. М. Кабанова.

С именем В. Н. Горегляда связано еще одно удивительное открытие. Долгое время в архиве Санкт-Петербургского института востоковедения хранились материалы, связанные с деятельностью первой в Европе школы японского языка, открывшейся в Петербурге в 1736 г. Большая часть этих материалов приписывалась помощнику библиотекаря Академии Наук Андрею Богданову, который вместе с японцем Гонза (в крещении Дамианом Поморцевым, 1718–1739) преподавал в этой школе. Эти материалы вызывали большой интерес японских ученых — к примеру, в 1985 г. профессор Мураяма Ситиро издал в Японии «Новый Лексикон Славено-Японский». Однажды в начале 1990-х гг. кто-то из архивных работников попросил В. Н. Горегляда посмотреть одну «тетрадочку» из архива и определить, что она собой представляет (к сожалению, никто из нынешних работников архива не помнит этого эпизода, свидетелем которого я была, но — увы — тоже не помню, кто и когда пришел с этой просьбой). В. Н. Горегляд, как это всегда бывало — он никогда никому не отказывал в помощи — не пожалел потратить на изучение «тетрадошки» своего времени, и через пару дней пришел к выводу, что это русско-японский словарь, составленный Гонзой. (Речь идет о хранящейся ныне в рукописном фонде Института востоковедения рукописи под номером В 270 — «Вокабулы» / Русско-японский словарик и японско-русский разговорник.)

Гонза покинул родину ребенком и не владел письменностью, поэтому все слова были записаны в русской транскрипции. Позднее на основе изучения японской части словаря было установлено, что это один из южных диалектов, характерных для Кагосима, откуда и был родом Гонза. Открытие В. Н. Горегляда — обнаружение словаря Гонзы — стало своего рода сенсацией. Материалы немедленно были переданы в рукописный отдел института, о находке стали много писать в японской прессе, в Кагосима была организована посвященная Гонзе выставка, на которой экспонировались материалы из Санкт-Петербурга и присутствовали директор института Ю. А. Петросян и В. Н. Горегляд. Примерно тогда же в Кагосима возник «Клуб почитателей Гонзы», в Петербург приехали японские кинематографисты, которые снимали фильм о своем легендарном соотечественнике. В. Н. Горегляд неоднократно после этого бывал в Кагосима, где его неизменно встречали как самого почетного гостя, уважительно именуя «Горегурядо-сэнсэй» (Учитель Горегляд).

В. Н. Горегляд был выдающимся японистом — он одновременно совмещал в себе талант превосходного переводчика (одинаково владея мастерством устного и письменного, художественного перевода), литературоведа, историка, религиоведа и знатока рукописей.

И все же портрет В. Н. Горегляда был бы неполным, если не упомянуть об одной его человеческой особенности — неизменной доброжелательности к людям, к любому, кто обращался к нему с просьбой или вопросом. Все знали, что если надо что-нибудь выяснить о Японии, (шла ли речь о каком-нибудь непонятном термине или некоем экзотическом предмете, как-то связанном с Японией), то получить ответ на свой вопрос можно только у одного человека в Петербурге — у Горегляда. И в Институт востоковедения шел бесконечный поток людей, которые приходили с самыми неожиданными проблемами. Одни просили расшифровать какую-нибудь скорописную надпись, другие приносили старые японские ордена и просили растолковать, что они из себя представляют. И всегда, абсолютно всегда Владислав Никанорович никому не отказывал, и если сразу не мог ответить, то открывал шкаф со справочной литературой и начинал поиски. Не было случая, чтобы он не сумел найти ответа. Если вопрос задавали студенты или аспиранты, то он вместе с ними садился за справочники, тем самым давая им неоценимые уроки профессионального мастерства. Если это были совершенно посторонние люди, он встречал их с улыбкой и сообщал им о полученных результатах. И в этом смысле В. Н. Горегляд был сам как «живой справочник».

Эпоха востоковедов-энциклопедистов, обладающих блестящим образованием, широтой мышления, универсальным знанием в профессии (в отличие от большинства современных «узких специалистов»), умением обобщать и видеть культуру изучаемой страны в её целокупности закончилась на наших глазах. «У кого же мы будем спрашивать?»

К. Маранджян

Summary

JAPANESE MOSAIC

*In memoriam
of Professor V. N. Goregliad*

The book of articles is dedicated to the memory of Professor V. N. Goregliad (1932–2002), an acknowledged authority in the field of Japanese studies, one of the scholars who represented the St. Petersburg school of Japanology.

The volume of the collected articles contains papers written by thirteen researchers from different countries — Russia (Moscow, St. Petersburg, and Vladivostok), Japan, and the USA. The topics covered in the papers are related to various aspects of Japanese culture. United in one volume they symbolically embody deep gratitude and respect to Professor V. N. Goregliad from his disciples.

In the opening paper K. Marandjian reveals basic biographical facts about V. N. Goregliad, traces the scholar's academic career and highlights his contribution to the Russian Japanese studies. There are three papers related to traditional Japanese literature: the paper by T. Breslavets on Fujiwara Teika's "One hundred Poem Sequence", the paper by L. Ermakova on early Japanese lyric poetry and the paper by M. V. Toropygina on the role of poetry in the literary genre "otogi-zoshi".

The article by A. Kabanoff touches upon the phenomenon of ritual suicides practiced by the adepts of the Pure Land Buddhist Sect.

E. Varshavskaya examines portraits of Oda Nobunaga, Akechi Mitsuhide and Toyotomi Hideyoshi from the "Taiheiki Eiyu Den" series by Kuniyoshi. G. Spiridonov explores sculpture from the Nikko mausoleum of Tokugawa Ieyasu. "The new new religions" in Japan are discussed in the article by V. Gromov. The paper by K. Marandjian is centered on the Siddham script used for the recording of Sanskrit Buddhist texts. Political caricature of the Meiji period practically unknown in Russia is covered by Yu. Mikhailova. Two articles are related to language topics — one of them written by I. Bass is concerned with ellipsis in Japa-

nese, the other produced by A. Akulov inquires into the history of Ainu language. The last paper by S. Bulatsev narrates about the relation between traditional martial arts and contemporary Japanese society.

Despite the variety of topics and approaches the book is intended to all those who are interested in Japanese culture.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Маранджян К. Г. Ученый-энциклопедист	9

Японская мозаика

Бреславец Т. И. Поэма из ста строф в творчестве Фудзивара Тэйка.....	23
Ермакова Л. М. О звуках и знаках в ранней японской лирике.....	35
Торопыгина М. В. Поэзия в произведениях отоги-дзоси.....	48
Кабанов А. М. Фударакү-токай: быстрое попадание в рай.....	69
Варшавская Е. Ю. Гражданские войны за объединение Японии в восприятии горожан эпохи Эдо: портреты Ода Нобунага, Акэти Мицухидэ и Тоётоми Хидэёси в серии гравюр Куниёси «Тайхэйки эйю дэн».....	76
Спиридонов Г. Б. Усыпальница Токугава Иэясу как воплощение синтоистских традиций японского искусства первой половины XVII в.	106
Громов В. С. Новые новые религии Японии	118
Маранджян К. Г. Письменность «Сиддхам».....	135
Михайлова Ю. Д. Политическая карикатура Японии периода Мэйдзи: к проблеме формирования канона.....	148
Басс И. И. Эллипсис как проблема лингвистики текста (на материале японского языка).....	167
Акулов А. Ю. Язык айну в контексте исторической перспективы.....	180
Булацев С. Х. Обучение традиционным искусствам и современное японское общество.....	195
Summary.....	205

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЯПОНСКАЯ МОЗАИКА

Сборник статей
памяти профессора
Владислава Никаноровича
ГОРЕГЛЯДА

Ответственные редакторы
А. М. Кабанов, К. Г. Маранджян

Художник
П. П. Лосев

Корректоры
Д. А. Суховой, Е. А. Гайдель

Компьютерная верстка
А. М. Кокушкин

Сдало в набор 12. 07. 2008. Подписано в печать 20. 05. 2009.
Формат 60×88 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,21. Тираж 300 экз. Заказ № 3031

Издательство «Гиперион»,
199178 Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55.
Тел./факс (812) 315-4492
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
198099 Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, к. 2.